

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА *).

Письма разныхъ лицъ къ О. А. Кони.

О. А. Кони родился въ Московской купеческой семьѣ, 8 Марта 1809 г. умеръ въ Петербургѣ 25 Января 1879 года. Въ Москвѣ, 15-ти лѣтъ отъ роду, отданъ онъ былъ въ извѣстный пансіонъ Чермака, а въ 1826 году поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, гдѣ и получилъ званіе лѣкаря.

Но больше всего его занимаетъ словесность. Онъ слушаетъ лекціи на философскомъ факультетѣ и, будучи еще студентомъ, переводитъ „Смерть Каласа“ Виктора Дюканжа, вышедшую отдѣльной книгою въ 1830 году и поставленную на Московской сценѣ*), гдѣ имѣла большой успѣхъ и обратила вниманіе директора театровъ О. О. Кокошкина на молодого переводчика. По совѣту Кокошкина и А. Д. Галахова, Кони предался драматической литературѣ и изученію исторіи искусства.

Драматическія его произведенія, пользовавшіяся большимъ успѣхомъ, вышли въ 1871 году въ 4 томахъ. Одновременно Кони служитъ учителемъ исторіи въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1836 году онъ переводится въ С.-ПБ. въ 2-й кадетскій корпусъ и въ „Дворянскій Полкъ“. Занятія исторіей привели его къ большому выдающемуся труду „Исторія Фридриха Великаго“, за который онъ возведенъ былъ въ званіе доктора философіи Іенскаго университета. Въ 1849 году Кони перевелъ „Исторію Консульства и Имперіи“ Тьера.

Но главное призваніе Кони была журналистика. Свой очеркъ объ искусствѣ Кони помѣщаетъ сначала въ „Сѣверной Пчелѣ“, а затѣмъ въ „Литературной Газетѣ“. Съ 1840 года онъ издаетъ литературный журналъ „Пантеонъ“, слившійся въ 1843 году съ „Репертуаромъ Русской сцены“ подъ названіемъ „Репертуаръ и Пантеонъ Русской сцены“. Съ 1852 года Кони принялъ на себя исключительное изданіе и редакторство журнала „Пантеонъ“, въ которомъ отвелъ главное мѣсто изящной словесности. Въ немъ сотрудничали извѣстнѣйшіе писатели того времени, и „Пантеонъ“ былъ журналомъ пользовавшимся большимъ распространеніемъ. Но, какъ журналу литературному, ему не

*) См. выше стр. 366.

было позволено перепечатывать извѣстія о Крымской войнѣ, что охладило къ нему читателей, и „Пантеонъ“ прекратился въ 1857 году изъ за недостатка средствъ.

Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ,

празднуя день своего рожденія, просить почтеннѣйшихъ своихъ прихожанъ и соучастниковъ откушать хлѣба-соли въ его редакціи, у Ѳ. А. Кони, въ домѣ Минаева, за Аничкинымъ мостомъ.

Января 21-го дня 1840 года, въ 4 часа.

Потрудитесь захватить съ собой доброе расположеніе и хорошій аппетитъ.

Привѣтственные стихи.

№ 1.

Куда, любезные поэты!
 За вами намъ нельзя поспѣть;
 Хоть и скропаю я куплеты,
 Но, право, не умѣю пѣть.
 Не *всякъ* умѣеть, какъ *Бумаринъ*,
 И пѣть, и пить, и ѣсть, и врать:
 Онъ ѣсть и пьетъ какъ будто баринъ,
 Его ужъ намъ не обогнать.
 Но искреннее пожеланье
 Сегодня я могу принести,
 Чтобъ ваше *славное созданье*
 Вамъ дало *денежки* и честь,
 Чтобъ *Пантеонъ* съ Репертуаромъ,
 Какъ Гречъ съ *Таддеемъ*, дружно жилъ,
 Чтобъ вы трудились не даромъ,
 Чтобъ *треснулъ* съ *зависти Зоилъ*.

Николай Гречъ.

№ 2.

Пѣть куплетъ, такъ пѣть куплеты!
 Есть старинное присловье:
 Что *на нѣтъ суда ужъ нѣтъ*;
 Но *почтенное* сословье
 Стихотворцевъ и пѣвцовъ,
 Въ *непремѣнное* условье,
 Тотчасъ требуетъ стиховъ.
 Чтожъ—хозяинъ доброхотный—
 Вотъ готовы вамъ стихи,

Хоть и тяжкіе грѣхи,
 Но *отъ сердца и охотно*
 Ихъ сейчасъ вамъ подношу.
 Музъ и Феба я прошу
 Вамъ принестъ благословеніе,
 И *барышъ* и уваженіе!
 Мой куплетъ, я вижу, плохъ,
 Но да будетъ, въ заключеніе,
 Громкій вамъ: *Es lebe hoch!*
 И никто бы *Пантеону*
 Не посмѣлъ задать *трзвону*,
 А лишь *звонкій злата звонъ*
 Слышалъ вѣчно *Пантеонъ*.

Николай Полевой.

А. Д. УЛЫБЫШЕВА *).

1.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ, сегодня ровно три недѣли какъ я послалъ вамъ комедію моего сочиненія подъ заглавіемъ: *Долъ платежомъ красенъ*, но до сихъ поръ я еще не знаю, получили ли вы ее. При этой посылкѣ я еще извѣстилъ васъ, что собираюсь написать рецензію на книгу Ленца *Bethoven et ses trois styles*, которую Бернаръ доставилъ мнѣ въ началѣ Мая. Г. Ленцъ нападаетъ на меня жестоко, чему я обрадованъ немало, потому что давнымъ давно уже не имѣлъ удовольствія подраться съ кѣмъ нибудь на перьяхъ. Для меня нѣтъ ничего веселѣе. Работа моя подходила къ концу, когда изъ четвертой книжки „Пантеона“, я увидѣлъ вчера, что господинъ Сѣровъ предупредилъ меня въ разборѣ упомянутой книги. Моя статья не имѣетъ, правда, ни малѣйшаго сходства со статьей вашего музыкальнаго критика; но я не знаю, нужна ли она вамъ теперь. Если нѣтъ, то сдѣлайте милость, не скупитесь на чернила и отвѣчайте мнѣ на это, хоть въ двухъ строкахъ. Тогда я пошлю статью назначенную для васъ въ редакцію другого журнала. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Вашъ покорный слуга А. Улыбышевъ.

Село Лукино 19 Мая 1852 г.

P. S. Письма ко мнѣ всегда адресуютъ въ *Нижній Новгородъ*.

¹⁾ Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ род. въ 1794-мъ и скончался въ 1858 г. Превосходно написанная А. Гацкимъ подробная біографія его помѣщена въ 1-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1886 года, въ видѣ предисловія къ драмѣ Улыбышева „Раскольники“. П. Б.

2.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ,

Вѣроятно Вы изволили прочитатъ въ №№ 136 и 140 *Сѣверной Пчелы* отвѣтъ мой на нападки г. Ленца*); но увѣ! кромѣ значительныхъ пропусковъ статья моя изуродована до такой степени, что во многихъ мѣстахъ связь между фразами прерывается, и логическій смыслъ вовсе уничтоженъ. Не знаю, кому или чему приписать столь варварское со мною обхожденіе. Изъ издателей *Пчелы* одинъ Грець теперь въ Петербургѣ, и онъ старинный мой пріятель. Съ другой стороны, мнѣ кажется, что цензура не имѣла причины вооружиться такъ сильно противъ статьи чисто-музыкальной, совершенно чуждой православію, самодержавію и народности. Но, если не ошибаюсь, самъ почтенный г. Ленць служить въ главномъ цензурномъ комитетѣ. Такъ не поэтому же? Вамъ, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, какъ издателю журнала, должно быть многое и многое извѣстно. Не можете ли вы разрѣшить моего недоумѣнія и указать мнѣ на закулисное, которое тутъ непременно скрывается.

Изъ прилагаемой здѣсь копіи вы увидите, какому оскорбленію подвергнулась моя статья. Посылаю вамъ ее не для печати, разумѣется (это было бы невозможно), а для того, чтобы при случаѣ вы были такъ добры и показали знакомымъ вамъ литераторамъ, музыкантамъ и актерамъ мой отвѣтъ г. Ленцу, какъ онъ дѣйствительно мною написанъ; ибо всякому автору непріятно отвѣчать за чужія бессмыслицы. Тоника и доминанта статьи иронія и насмѣшка, потому что всего приличнѣе было употребить *l'arme du ridicule* противъ музыкальнаго критика, который, по свидѣтельству своего ментора или педагога Дамке „*ne sait pas jouer deux mesures en mesure, ni distinguer une tierce d'avec une quarte*“: собственные слова Дамке, сказанныя мнѣ лично, да еще при свидѣтеляхъ, если не ошибаюсь.

Статья эта имѣетъ еще другую цѣль. И нашимъ Русскимъ господамъ критикамъ я успѣлъ доказать, какъ плохо они поняли меня, принявъ за настоящій критическій разборъ и за положительную оцѣнку сочиненій Бетховена то, что въ моей книгѣ относится лишь къ грамматикѣ и къ общей философической теоріи искусства. Смѣшно было видѣть противника Бетховена въ человѣкѣ нѣсколько понимающемъ музыку. Еще до появленія книги Ленца я встрѣтился съ нимъ въ домѣ

*) Этотъ Ленць помѣстилъ въ „Р. Архивъ“ 1878 г. свои воспоминанія подъ заглавіемъ: „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“. П. Б.

Віельгорскихъ и сказалъ ему въ присутствіи графа Михаила Юрьевича, который представилъ мнѣ его: *Monsieur, j'adore Beethoven et je puis vous assurer que chez moi à Nijni on joue du Beethoven beaucoup plus que du Mozart.* (Мы говорили о камерной и въ особенности о фортепیانной музыкѣ). Теперь прощайте, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ. Буду ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. *Mes hommages à madame.* Вашъ отъ души и сердца.

А. Улыбышевъ.

С. Лукино, 5 Іюня 1852 г.

3.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ.

Письма ваши отъ 17-го и 30-го Мая я получилъ въ одно время. Первое залежалось вѣроятно въ Нижегородской почтовой конторѣ, а второе мнѣ привезли изъ города 10-го Іюня. Теперь изъ Нижняго въ Петербургъ только трое сутокъ ѣзды, а письма и газеты получаютъ здѣсь на десятый и даже на 12-ый день. Эта непостижимая медленность была причиной, что статья о книгѣ Ленца, которую я написалъ для „Пантеона“, отправлена уже въ редакцію Сѣверной Пчелы. Изъ вашего, какъ мнѣ казалось, слишкомъ продолжительнаго молчанія, я заключилъ, что она вамъ не нужна.

Вамъ угодно перевести для „Пантеона“ историческое введеніе ко второму тому Моцартовой біографіи. Съ Богомъ, лишь бы только терпѣніе не измѣнило А. И. Сѣрову, ибо ему предстоитъ трудъ, истинно многотрудный, за который я самъ никогда бы не взялся.

Что же касается до моей комедіи, то признаюсь вамъ, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, что мнѣ не приходило въ голову поставить на II. сцену бездѣлушку, составленную *en un tour de main*, для моихъ дѣтей и для публики, задобренной, нѣсколько лѣтъ сряду гостепріимствомъ, въ довольно широкихъ размѣрахъ. Я полагалъ, что вы имѣете право напечатать комедію мимо театральнаго дирекціи, вмѣстѣ съ предисловіемъ, которое весьма неудобно разлучить съ пьесой, во первыхъ потому что тогда не объясняется поводъ въ самой пьесѣ, выходящей по необдуманности изъ обыкновенныхъ разрядовъ драматической литературы, да еще потому что въ ней говорится о Реквіумъ Моцарта, и вовсе неумѣстно, какъ бы показалось безъ предисловія. Еще одно. Вы сами, опытный литераторъ и драматургъ, не могли не замѣтить нѣкотораго несходства въ отношеніи къ діалогу между моей

комедіей и тѣмъ, что обыкновенно имѣеть успѣхъ на Александрійскомъ театрѣ. Понравится ль „Долгъ платежемъ красенъ“, или нѣтъ. это вы должны знать лучше меня. Конечно, въ моемъ положеніи, успѣхъ или неуспѣхъ такого рода не значить ровно ничего. Однако, согласившись на представленіе пьесы, мнѣ все таки хотѣлось бы устранить причины, которыя могутъ сгубить ее совершенно. По этому я и соглашаюсь не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ. 1) „Пантеонъ“, если можно, извѣститъ публику о представленіи комедіи, напечатавъ ей предисловіе, составляющее, само по себѣ, отдѣльную статью. 2) Комедію дадутъ въ бенефисъ или въ пользу дирекціи, какъ вамъ будетъ угодно, но не прежде Сентября или Октября. 3) Изъ дѣйствующихъ Ольга, Любскій и баронъ должны быть настоящіе, а не водевильные пѣвцы. 4) Роль Степана приходится Мартынову, котораго я имѣлъ, такъ сказать, передъ глазами, облакая ревизскую душу въ форму капельмейстера. Степанъ представлялся мнѣ какъ образъ Русской дворовой крѣпостной натуры. Глупый по наружности и лукавый въ душѣ, какъ типическій нашъ Иванъ-дуракъ, всегда холодный, угрюмый и ехидный, безъ совѣсти, безъ стыда, этотъ забулдыга просыпается, дѣлается вѣжливымъ, лишь когда почуветь деньги.—Если можно будетъ распорядиться такимъ образомъ, извольте, со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ. Тогда я вамъ напишу, какія перемѣны и прибавленія слѣдуетъ сдѣлать въ пьесѣ, чтобы приспособить ее къ П. сценѣ и доставить ей съ помощью блистательнаго концерта и характерныхъ танцевъ кой-какіе шансы успѣха, независимо отъ ея слабаго внутренняго достоинства. „Пантеонъ“ вашъ я читаю какъ настоящую книгу, то есть съ начала до конца и какъ никогда не читалъ ни одного Русскаго журнала за исключеніемъ „Библіотеки“, въ первые годы ея существованія. Кто Савиновъ? Это настоящій талантъ (не говорю о восточ. романѣ). Въ другой разъ поговоримъ подробнѣе о вашемъ журналѣ. Прощайте. Вашъ отъ души А. Улыбышевъ.

Село Лукино. 25 Іюля 1852.

Р. С. Я буду очень радъ познакомиться съ г. Капкарковымъ и надѣюсь, что онъ пожалуетъ ко мнѣ въ Лукино: не далѣе какъ 40 верстъ отъ Нижняго.

4.

Любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ,

5 Іюля утромъ отправилъ я въ редакцію „Пантеона“ статью мою о книгѣ Ленца, а къ вечеру того же дня привезли мнѣ изъ города письмо ваше отъ 27 Іюня, на которое сейчасъ и отвѣчаю.

Я на все согласенъ; дѣлайте съ моей пьесой, что хотите; *je vous donne plein pouvoir et carte blanche* за исключеніемъ однако кастраціи, какую вынесла моя статья въ С. Пчелѣ. Цензура, безо всякаго сожалѣнія, возьметъ свое: уничтожить, по обыкновенію, нѣсколько изъ самыхъ удачныхъ мѣстъ; но все таки можно надѣяться, что пьеса останется съ головой, съ хвостомъ, а главное съ м..... я хочу сказать съ нѣкою комическою силою. Какъ поставить комедію, вы знаете въ сто разъ лучше меня; позвольте однако автору представить вамъ кое-что не для руководства вашего, а только для соображенія. Концертъ или дивертисментъ составилъ я по нашимъ скуднымъ провинціальнымъ средствамъ. Само собою разумѣется, что моя программа нисколько не должна связывать васъ въ выборѣ музыкальныхъ піесъ. Здѣсь каждый выбиралъ, что хотѣлъ и что было по силамъ. Пусть и у васъ такъ будетъ. Одно, я думаю, не худо было бы сохранить, если можно, это несравненное тріо изъ *Волшебной флейты* Soll ich dich, Teurer, nicht mehr sehen. Впрочемъ на какомъ угодно языкѣ. Если роль Бугоркова достанется пѣвцу, то ее и ему можно дать что нибудь въ національномъ комическомъ родѣ. Сверхъ того могутъ собраться на музыкальный вечеръ уѣднаго знатока гости разныхъ званій и разныхъ талантовъ, пѣвцы, клоуны, пожалуй и солисты на инструментахъ. Все *ad libitum*, повторяю.

Въ 1-мъ дѣйствии не можетъ быть для пѣвца другаго акомпанимента, какъ фортепіаннаго; но во 2 дѣйствии вамъ легко будетъ замѣнить фортепіано доморощеннымъ оркестромъ Бугоркова, и музыканты явились бы тогда на сцену въ карикатурномъ видѣ, чего мнѣ хотѣлось, но чего я не могъ сдѣлать на нашемъ домашнемъ театрѣ, потому что карикатура перешла бы здѣсь въ самую музыку. Тутъ уже Степанъ самъ не играетъ, а только дирижируетъ оркестръ. Вотъ еще одно замѣчаніе, совершенно лишнее и если Бугоркова будетъ представлять умный актеръ. Во время музыки, записной нашъ дилетантъ долженъ выражать свои сенсаціи значительной пантомимію. Теперь довольно и даже слишкомъ много, когда взялся за это дѣло, какъ за свое собственное Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони, которому приносить заранѣе искреннюю душевную свою благодарность покорнѣйшій его слуга и внимательный читатель

А. Улыбышевъ.

Село Лукино. 6 Іюля 1852 года.

5.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ,

Сейчасъ воротился я съ ярмарки, гдѣ свелъ знакомство съ Мартыновымъ и съ сестрами Дулькень, которымъ ярморочный нашъ сезонъ 1852 года обязано лучшими театральными и музыкальными своими наслажденіями. Много тѣшилъ насъ Домбровскій, актеръ спеціальный, чистый Хохолъ, безо всякой примѣси Великороссійскаго, но актеръ какого нѣтъ и не бывало у васъ въ Петербургѣ.

Мартыновъ сказалъ мнѣ не слишкомъ утѣшительное на счетъ представленія моей комедіи, которую онъ прочиталъ. По его словамъ, оперная Русская труппа никогда не сходится съ драматической, а безъ этого соединенія наше представленіе невозможно, потому что роли Сенижова, Ольги и Маши пропадутъ совершенно, если будутъ поручены водевильнымъ исполнителямъ. И такъ, я думаю, лучше будетъ отложить попеченіе о постановкѣ моей пьесы на сцену и напечатать ее въ *Пантеонъ*, подъ заглавіемъ *Дилеттантъ* или *Знатокъ въ музыкѣ*, каково вамъ будетъ угодно. Когда вы увидите Мартынова, спросите его, доволенъ-ли остался онъ моей стерляжей ухуо.

Лѣто у насъ непостоянно, истинно лихорадочное: то въ жаръ, то въ ознобъ бросаетъ. Въ первыхъ числахъ Августа термометръ показывалъ до 38°/о градусовъ, и мы жили въ водѣ, болѣе чѣмъ на сушѣ. Теперь же православные мои мужики засѣваютъ свои поля, кутаются въ шубы и все таки промокаютъ до костей. Надѣюсь доставить вамъ, черезъ нѣсколько дней, статейку о Нижегородской ярмаркѣ, въ родѣ той, что была напечатана въ С.-П. годъ тому назадъ.

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе Madame Кони и, ожидая съ нетерпѣніемъ обѣщанной посылки, остаюсь, какъ всегда, съ дружбой и уваженіемъ.

Покорнѣйшій вашъ слуга А. Улыбышевъ.

С. Лукіно. 16 Августа 1852.

Александра Ѳомича Вельтмана.

Москва, Ноября 22-го 1839 г.

Любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, при этомъ письмѣ высылаются къ вамъ г. Тромонинымъ вышедшіе уже листы или тетради издаваемыхъ имъ „Очерковъ художественныхъ произведеній Х.“. Это само-

родный художникъ, на трудъ котораго стоить обратить вниманіе, и вы вѣрно скажете о немъ нѣсколько добрыхъ словъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, къ которой такъ довѣрчива публика. Вы поймете полезную цѣль изданія, и что въ началѣ своемъ оно неизбѣжно составляетъ еще сборникъ матерьяловъ художественныхъ и въ послѣдствіи, только при увеличеніи средствъ, развернется съ надлежащимъ усовершенствованіемъ. Журналы, которые говорили объ этомъ изданіи, не поняли цѣли его и даже того, что очерки не есть скелеть, а заключаютъ въ себѣ всю полноту созданія и мысли, въ немъ всѣ тайны генія; но г. Тромонинъ приложить при этомъ письмѣ изложеніе цѣли своей, которую не хотѣли понять г.г. издатели мѣсячныхъ книгъ. Миѣ обидно за всякій начальный трудъ Русскаго художника, который они затираютъ въ грязь, для того только, чтобы показать высокое свое понятіе о художествѣ: ихъ отзывы не подвинутъ художника ни на шагъ впередъ, но убьютъ въ немъ порывы начинающей дѣйствовать способности.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Николаю Ивановичу Гречу.

Искренно преданный вамъ Вельтманъ.

Романъ мой „Генераль Каломерасъ“ я думаю событь съ рукъ и надѣюсь къ новому году онъ выйдетъ.

Москва, Сентябрь 1840.

Любезный Федоръ Алексѣевичъ, я получилъ на свое имя три части „Маяка“; прошу васъ поблагодарить отъ меня господъ редакторовъ и издателя. Чѣмъ только въ состояніи буду служить хорошему дѣлу, готовъ буду служить. Я слышалъ, что вы принимаете на себя редакцію „Литературной Газеты“ если это правда, то желаю вамъ успѣха и добрыхъ сотрудниковъ въ трудномъ дѣлѣ издавать журналъ умный, дѣльный и занимательный.

Въ несчастномъ событіи на желѣзной дорогѣ*) пострадалъ и братъ жены моей Дмитрій Павловичъ Вейдаль. Ему пришлось ѣхать именно въ томъ вагонѣ, который разбитъ вдребезги. Онъ писалъ отцу, что ему повредило ноги, но въ какой степени поврежденіе—не пишетъ. Если вы знаете что нибудь, то увѣдомьте, пожалуйста. Я боюсь, не имѣлъ ли ушибъ худыхъ послѣдствій, ни отъ кого отъ родныхъ нѣтъ писемъ.

Преданный вамъ искренно Вельтманъ.

P. S. „Пантеона“ до сихъ поръ я получилъ только три номера.

*) Царско-сельской. П. Б.

Октября 16. 1840. Москва.

Письмо ваше, любезный Федоръ Алексѣевичъ, переданное мнѣ книгопродавцемъ Григорьевымъ, а равно и номеръ „Пантеона“ 3—8 я получилъ и благодарю васъ. Желая вамъ успѣховъ въ изданіи „Литературной Газеты“, я прошу васъ располагать моею сказкой о Лихоманкѣ; но прошу такъ же не подписывать моего имени, потому что большая сказка, въ которой Лихоманка составляетъ главу, будетъ издана безъ имени, по причинѣ пошлости своей. Къ ней художникъ Ребусъ рисуетъ картины, которыхъ будетъ до 15-ти. Михаилу Николаевичу Лихонину я передалъ вашъ поклонъ и приглашеніе къ участию въ „Литературной Газетѣ“. Онъ готовъ способствовать вамъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ, переводить съ Испанскаго, съ Англійскаго, съ Нѣмецкаго, съ Итальянскаго, только давайте, или назначайте, что переводить. Если вы желаете имѣть Московскаго корреспондента по части выходящей здѣсь литературы, то онъ можетъ и это исполнить. Онъ работающъ и пишушъ, но только по задачамъ. Время и трудъ готовъ обратить въ деньги, потому что нуждается въ нихъ. Меня во всѣхъ журналахъ разкорили за Каломероса, въ немъ ничего не нашли, кромѣ мнимаго Наполеона, тогда какъ я хотѣлъ представить только человѣка, котораго служба людямъ лишила истиннаго счастья въ жизни—друга по сердцу, любви естественной каждому человѣку. Скажите, кого поставить въ подобныя обстоятельства кромѣ Наполеона? Но я не профанировалъ его имени, но высказалъ только, что и человѣкъ подобный Наполеону и въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ увлекаться страстью, и если бы встрѣтилось ему существо достойное любви, онъ бы или самъ сошелъ съ трона, или возвелъ бы ее на тронъ. Примѣръ тому Петръ Великій: онъ не затруднился и не постыдился любить Сатин Шереметева и Меншикова и возвелъ ее на престолъ. Видѣть въ Каломеросѣ истиннаго Наполеона тупо, а печатать (какъ это дѣлаютъ Петербургскіе книгопродавцы) въ объявленіяхъ, что генераль Каломеросъ-императоръ Наполеонъ—дерзко и клевета. У нашихъ критиковъ чего-то не достаетъ; а чего—объ томъ они сами никогда не догадаются.

Искренно преданный вамъ Ал. Вельтманъ.

